

**ПЯТЬДЕСЯТ ОТТЕНКОВ
МАГИИ**

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
«ЖАНРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ
«ПЯТЬДЕСЯТ ОТТЕНКОВ МАГИИ»

Франциска Вудворт
«Как приручить кентавра,
или Дневник моего сна»

Ольга Романовская
«За гранью грань»

Анна Яновская
«Психотерапевт его величества»

Марина Кистяева
«Я все снесу, милый»

Яся Белая
«Цветы всегда молчат»

Алиса Пожидаева
«Игры порочной крови»

Влада Южная
«Мой враг, моя любимая»

Влада Южная
МОЙ ВРАГ,
МОЯ ЛЮБИМАЯ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ю19

Серийное оформление — *Ксения Щербакова*

Иллюстрация на обложке — *Андрей Липаев*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Южная, Влада.

Ю19   Мой враг, моя любимая : [роман] / Влада Южная. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 416 с. — (Пятьдесят оттенков магии).

ISBN 978-5-17-095421-6

Он должен ненавидеть меня. За смерть семьи, за жизнь в изгнании. Я должна ненавидеть его. За похищение из родного дома, за лишение свободы. Но его кулаки разжимаются, чтобы пальцы ласкали меня. Но мои ногти впиваются в его плечи в порыве не мести, а страсти. «Мой враг, враг, враг!» — твержу я, но голос слабеет, когда слышу в ответ: «Моя любимая...»

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-095421-6

© В. Южная, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

ПРОЛОГ

В ту ночь разыгралась нешуточная гроза. Молнии, подобно разящим огненным стрелам, били в темный массив заповедного леса. Всполох. Нарастающий рокот. Гром. Ливень безжалостно хлестал по головам и спинам шестерых мужчин, затаившихся на холме между деревьями. Даже капюшоны неприметных дождевиков не спасали людей от струй, больно секущих щеки, губы и веки.

Внизу, под холмом, на равнине, перед охотниками расположился добротный двухэтажный дом. Из трубы вился дымок, в окошках плавился теплый желтый свет. По соседству пристроились хозяйственные постройки: амбар, хлев, курятник. За домом, неразличимые с холма, раскинулись огороды. Это мужчины успели выяснить у одного из своих, посланного заранее в разведку. Как и то, что в доме проживает целая семья.

— Пули беречь! — хрипло и коротко приказал главный, прищурившись и вскинув ружье. — У каждого по две. Больше нет. В крайнем случае, пользоваться ножом. — Резким движением он выхватил из-за пояса и показал свое оружие. — Лезвие тонкое, не ломайте.

Мужчины внимали его словам, бросая косые взгляды на мирное жилище, распростертое перед ними.

— Когда мы получим жилу, всего станет больше: и пуль, и клинков, — продолжал главный. — Но чтобы ее получить, я не хочу видеть ни одного промаха с вашей стороны.

Его спутники переступили с ноги на ногу и вразной кивнули. Грянул очередной раскат грома. Главный выругался и по очереди заглянул каждому в лицо.

— Я хочу, чтобы сегодня вы сработали как единое целое. Поняли, засранцы? Эти пули я своими руками отлил из ожерелья Майи. И лезвия тоже. Жаль, что ее украшения весили не так много. Но сегодня мы за нее отомстим. Вы поняли? Мы уничтожим того, кто пролил кровь нашей драгоценной девочки!

Четверо из охотников никогда не встречали женщину, ради которой пришли убивать. Им просто заплатили. При звуке ее имени им слышался звон монет. Поэтому они охотно согласились с главным. Только один человек, еще по-юношески худощавый, сжал свое ружье в побелевших пальцах. В глазах читалась боль. Главный потрепал его по плечу в знак поддержки. Потом снова обратился к охотникам:

— Все помнят, что нужно делать? Ни в коем случае не тратьте пули на фамильяра! Как бы он ни выглядел! Даже если обделаетесь от ужаса, я не хочу знать, что вы потратили мои пули на то, что невозможно убить! Только в голову лекхе, — мужчина приставил указательный палец ко лбу одного из наемников. — Убьешь лекхе — убьешь фамильяра. Это понятно?

Черeda послушных кивков. «Да, хозяин. За твои деньги мы готовы на все».

— Никаких несмертельных ранений! Никаких истеричных перестрелок! Не ведите себя как бабы! Стрелять только если уверен, что разнесешь мозги проклятого лекхе! Если потратите обе пули, лучше воспользуйтесь ножом, — главный убрал свое лезвие в ножны, — и молитесь, чтобы потом я не использовал свой на ваших цыплячьих горлышках!

Взмах рукой — и мужчины короткими перебежками устремились с холма вниз. Сильно хромая, главный поторопился следом.

В доме, тем временем, коротала вечер ничего не подозревающая семья. Петер, светловолосый крупный мужчина, сидел перед камином, положив ноги на табуретку. Он смотрел на огонь и прислушивался к рокоту грома. Хорошо, что коров удалось пригнать с пастбища до того, как началась гроза. В прошлый раз, когда стихия бушевала, они потеряли козу, и дети остались без целебного молока. Петер потом нашел останки животного, растерзанного волками, и со вздохом сожаления принялся подсчитывать в уме, во сколько обойдется новая покупка.

Временами взгляд Петера сам собой скользил в сторону жены, которая хлопотала по хозяйству, подготавливала вечернюю ванну для детей. Инга была его самой большой любовью. Статная, красивая яркой величавой красотой, она покорила его сердце более десяти лет назад и прочно удерживала в своих сетях. А ведь он думал, что никогда уже не сможет полюбить! Никогда и никого, после Майи... Что ж, правду говорят, что время лечит. Инга подарила ему троих прекрасных детей, и от той, бывлой, пылкой и юношеской любви, от острой, когда-то

раздирающей грудь на куски потери, остались разве что неясные воспоминания.

Из коридора слышалась возня и топот десятилетнего Яниса. Мальчишка пытался обучить своего фамильяра — молодого волка с серебристой шерстью — приносить палку. Ребенку не хватает собаки, думал Петер, уже уставший объяснять сыну, что фамильяр — не игрушка. Надо бы отправиться на ярмарку в воскресный день и приобрести щенка.

Возможно, покупка порадовала бы и пятилетнего Ивара. Этот малыш родился маленьким старичком, хоть и выглядел настоящим ангелом с белокурыми слегка выющимися волосами. Мать специально не обрезала их коротко, жалела мягкие локоны.

Ивар всегда держался сосредоточенно и хмуро. Малое количество вещей могло вызвать улыбку на его губах, среди них были игры с матерью. Но Инга целый день крутилась как белка в колесе, поэтому малыш часто оставался предоставленным самому себе или старшему брату. Его фамильяр появился совсем недавно, и это послужило для Петера сигналом, что в младшем сыне тоже пробудилась сила лекхе. Маленький львенок, толстый и забавный, конечно, не мог еще защищать юного хозяина. Им предстояли долгие годы совместного взросления.

Самая младшая из детей, трехлетняя Илзе, сидела у отцовского кресла на широкой медвежьей шкуре. Она вынимала из деревянной шкатулки и складывала обратно материнские бусы и серьги. Этим юная модница могла заниматься бесконечно. Если мать хотела, чтобы дочь не шалила и вела себя смирно — стоило дать шкатулку, и о Илзе можно было не беспокоиться. До появления фамильяра девочка еще не доросла: обычно это происходило после наступления пяти-семилетнего возраста.

Тихий семейный вечер прервал громкий стук в дверь.

Инга тут же появилась на пороге комнаты и посмотрела на мужа. В ее глазах плескалось беспокойство. Дом находился далеко от дорог, сюда не забредали случайные путники. Семья выбрала уединение по многим причинам. Любое появление чужака настораживало и пугало.

Петер поднялся из кресла и дал жене знак не паниковать раньше времени.

— Янис! — позвал он сына. — Возьми младших и поднимись наверх. Запри дверь.

— Что случилось, пап? — удивился мальчик, поглаживая своего волка по загривку.

— Слушайся, сын! — Петер подошел и смягчил грубость приказа ласковым поглаживанием по щеке ребенка. — Давай, сынок. Делай как велено. Ты должен заботиться о брате и сестренке. Защищать их.

Янис передернул худеньким плечом, явно недовольный, что его отсылают, но все-таки послушно пошел и взял на руки Илзе, а Ивара ухватил за запястье. Когда топот детских ног затих на лестнице, Петер кивком указал жене на дверь и пошел открывать.

Охотники расположились по обе стороны от входа. Когда дверь распахнулась, ближайший из мужчин ударил прикладом ружья в грудь хозяина. Тот упал на спину, но отреагировал быстро. Словно из ниоткуда на нападавшего набросился громадный лев с густой косматой гривой. Сильные лапы смяли добычу. Острые когти располосовали одежду вместе с плотью. Охотник заорал, вывалился на улицу, в грязь, пытаясь сбросить с себя зверя. Дождь окружил их плотной пеленой. Разлетались мутные брызги. Послышалось два выстрела. Яркое пятно расцвело на боку льва, но, казалось, его силы это не уменьшило. Остальные люди трусливо прижались к стенам и только смотрели на поединок. Никто не решался помочь товарищу.

Главный из охотников, с трудом передвигая хромую ногу, проковылял к двери, расталкивая своих людей. Он вскинул ружье, на ходу прицеливаясь в голову хозяина, уже успевшего встать.

Выстрел.

Через несколько мгновений лев растаял в воздухе, оставив истерзанную жертву выть от боли.

На грохот упавшего тела выбежала женщина. Прядки выбились из толстой русой косы, перекинутой через плечо, прилипли ко взмокшему от страха лбу. Женщина истошно закричала, прижав руки к груди. Ее глаза не отрывались от бездыханного тела мужа. Главный ухмыльнулся, снова вскидывая ружье, но тут из-за спины женщины на него прыгнула пума. Гибкая хищница ловко ударила лапой, сбив охотника с ног. Ее оскал заставил остальных побледнеть. Подмяв под себя хромого, пума приготовилась вцепиться ему в горло. Один из охотников бросился на помощь. Сверкнуло лезвие ножа. Животное мякнуло от боли.

— Идиоты! — глухо выругался поверженный главарь, удерживая пуму за шею, чтобы не позволить острым зубам распороть тело. — Вы задницами, что ли, слушали?!

На порог ступил его молодой спутник. Он заколебался, увидев перед собой женщину. Но та сама решила свою судьбу. Отступив за угол, она через секунду появилась, выставив перед собой тазик, исходивший паром. Кипяток. Ее пума ощерилась, готовая оставить лежавшего под ней человека и броситься на новую добычу.

Молодой охотник сглотнул.

— Давай! — прохрипел главный. Его руки начинали трястись от перенапряжения.

Выстрел.

Пума исчезла вместе с протяжным выдохом женщины. Со звоном металлический тазик отскочил от пола, расплескивая воду. Главный зашипел и отдернул ногу. Молодой с удивлением опустил ружье и оглянулся. Один из наемников позади него качнул головой и сдул дымок из ствола своего оружия.

— Молодец. Получишь десять процентов сверху, — пробормотал главный, цепляясь за поданную руку, чтобы с крихтеньем подняться на ноги. — За то, что чистишь уши по утрам.

Услышав выстрелы внизу, дети переполошились. Илзе заплакала, Ивар поджал губы, Янис судорожно обхватил шею своего волка. Все трое усталились на дверь, из-за которой долетали крики и топот. Полоска света, пробивавшаяся в темную комнату над самым полом, словно загнипнотизировала их.

И тут скрипнула нижняя ступенька лестницы.

Янис сразу все понял. Он знал шаги отца, знал легкую поступь матери. Это был кто-то чужой. Волк ошетинился и тихонько зарычал, обозначая страх хозяина. В ушах Яниса звучало последнее напутствие отца: «Ты — старший. Ты должен заботиться о младших».

Заскрипела самая верхняя ступенька. Кто бы это ни был, он пробрался на второй этаж и принялся распахивать все двери подряд.

Быстро оглядевшись, мальчик запихнул брата и сестру под их кровати и приказал сидеть как мышкам. Это казалось трудной задачей, потому что Илзе хныкала и не желала успокаиваться. Сам Янис остался стоять, широко расставив ноги и нервно сжимая и разжимая кулаки. Волк подобрался, готовый к прыжку.

Хлопнула соседняя дверь. Шаги. Ручка начала поворачиваться...

Заперто.

Янис до боли закусил губу, чувствуя, что вот-вот обмочит штаны.

Дверную ручку настойчиво подергали.
Может, уйдут?!

Раздался скрежет в замке. Хлипкая преграда поддалась. Свет из коридора на мгновение ослепил мальчика. Он часто-часто заморгал, разглядывая фигуру мужчины с ружьем наперевес. Вода капала с одежды незнакомца, образуя лужицу на полу.

Охотник постоял несколько мгновений, оглядывая комнату. Детская. Куклы. Деревянная лошадка. Кубики. От его слуха не укрылись тихие всхлипывания под кроватью. Мужчина опустил ружье.

— Прячься!

Янис протер глаза и с непониманием уставился на охотника. Тот махнул рукой.

— Прячься, мальчик! Я закрою дверь. Только сидите тихо!

Янис тряхнул головой и огляделся. Приготовившись бороться и быть убитым, он вдруг растерялся.

— Что это тут у нас? — в дверном проеме, хромая, показался другой человек. Выше и солиднее первого и тоже насквозь промокший. — А-а-а, маленькие лекхе.

Он поднял ружье, прицелившись в Яниса. Мальчик задрожал. Его необученный волк поскуливал, прижавшись к ногам хозяина. Молодой охотник издал испуганный возглас и схватился за ствол, дернув его в сторону.

— Ты с ума сошел?! Это же ребенок!

— И что? — с недовольным лицом хромой повернулся к своему спутнику. — Через десяток лет он тебе задницу надерет так, что мало не покажется! Нет, мы договорились не оставлять никого в живых. Ради Майи, помнишь?!

— Но это дети! — не слушая никаких доводов, настаивал молодой. — Они беззащитны! И Майе бы это не понравилось!

— Отстань! — хромой попытался отобрать ружье.

Тогда молодой дернул за ствол так, что главарь едва не повалился. Хромая нога не служила хорошей опорой.

— Ладно, — уступил тот, когда понял, что сила не на его стороне, — как скажешь. Пойдем отсюда.

Главный повернулся, жестом показав спутнику, что им нужно спуститься по лестнице вниз. Не скрывая облегчения, молодой человек бросил прощальный взгляд на мальчика, и пошел.

Янис расслабил плечи.

В этот момент хромоногий поднял ствол и выстрелил без промаха.

С криком молодой бросился в комнату, увидев, что опоздал. В безмолвном ужасе он только повернул к своему спутнику лицо с перекошенным провалом рта.

Раздался громкий рев. Младшие дети выбрались из укрытия. Глаза хромого стали холодными как лед. Воспользовавшись растерянностью, он отбросил свое ружье, схватил оружие из рук сотоварища и с силой оттолкнул того от себя.

Выстрел.

Еще выстрел.

1

Я не помнила, как оказалась в том райском саду. Полная луна освещала фруктовые деревья, превращая их листья в чистое серебро. В кронах шелестел легкий ветер. Розы пахли так упоительно в ночи. В густой траве мелькали призрачные огоньки светляков.

Я застонала, когда он коснулся меня. Подошел со спины, властно положил руки на плечи. Горячие сухие ладони, такие большие по сравнению с моими. Я закрыла глаза, ощущая, как внутри пробуждается вулкан. Кто бы мог подумать, что это так приятно?

Губы мужчины оказались в невыносимой близости от моего уха. Я почувствовала, как они двигаются, когда он прошептал:

— Будь моей, Кира.

Каждая клеточка его тела призывала меня потерять голову и уступить этой просьбе. Я облизнула губы, наслаждаясь мужскими объятиями. Он нежно поцеловал мою шею.

Соблазн просто невыносимый. Тихий голос. Ласковые прикосновения. Я должна наконец испытать это. С ним.

— Да... — прошептала я в ответ и откинула голову на его крепкое плечо.

Мужские руки принялись расстегивать пуговицы на лифе моего платья.

— Да! — отчаянно взмолилась я, когда его руки накрыли мою обнаженную грудь, чуть тронули беззащитные чувствительные соски.

— Я люблю тебя, Кира...

Мой стон утонул в шелесте его прерывистого дыхания. Я начала извиваться в руках мужчины, требуя большего, желая, чтобы он вошел в меня и подарил облегчение этим мукам.

Но он вдруг схватил меня за плечи и встряхнул.

— Кира, проснись!

В испуге я открыла глаза, не сразу сообразив, где нахожусь. Моя ночная рубашка прилипла к взмокшей от пота груди, от подушки исходил жар. Отец склонился надо мной и повторил:

— Проснись, малышка! Ты пропустишь свой восемнадцатый день рождения!

Я сглотнула, приложила ладонь ко влажному лбу и приподнялась на локте. Ох, в какой неловкий момент застал отец! Этот... сон. Он был так реален! Я почти занялась любовью с каким-то незнакомцем в душном летнем саду, а оказалось, что всего-навсего перегрелась под теплым одеялом в собственной постели.

— Ты постанывала, — заметил отец и заботливо отвел липкую прядь волос от моего лица. — Кошмар приснился?

Я не знала, куда девать глаза.

— Да... кошмар...

Он похлопал меня по бедру, прикрытому одеялом.

— Давай, моя девочка. Солнце уже встало. Ребята готовят тебе какой-то сюрприз, меня на кухню не пустили, — он наклонился и договорил шепотом заговорщика: — Но я все равно имею право поздравить тебя первым.

Я едва не захлопала в ладоши. Если отец приготовил какой-то подарок, то это будет нечто необыкновенное. Он всегда любил меня и баловал так, что иногда мне самой казалось — чрезмерно. Не уставал повторять, какой красавицей я расту и как похожа на маму. Сам тоже оставался видным мужчиной, несмотря на годы. Смоляные волосы были густыми, как у молодого парня. Взгляд серых глаз — острым и умным. Когда он выезжал в город по делам и брал меня с собой — а это случалось непозволительно редко — все женщины на улице смотрели только на него и облизывались, как мартовские кошки.

Но папа остался верен маме и после ее смерти не выбрал себе другую спутницу жизни. Незабвенная Майя — так лирично отец называл ее. Он очень сильно ее любил. Даже больше, чем меня, пожалуй. Мама умерла молодой, поэтому все, что у нас с братьями осталось, — это воспоминания и рассказы отца, наполненные светлой ностальгией.

— Что ты мне приготовил? — воодушевилась я, по опыту зная, что папа не сможет долго противостоять соблазну удивить меня.

— Вставай и увидишь, — загадочно ответил он.

Откинув одеяло, я одернула подол ночной рубашки и вскочила на ноги. Моя детская комната показалась вдруг такой крохотной для выросшей меня. Подумать только, мне испол-

нилось восемнадцать! Я стала взрослой. И внутреннее чутье подсказывало, что отец исполнит наконец просьбу. Я умоляла его об этом уже года три подряд, и последнее, на чем мы сошлись, это: «Подождем, пока ты станешь совершеннолетней».

Именно предвкушение обещанного события наполняло новый день особенным смыслом.

Отец остался сидеть на краю моей кровати. Он сложил руки на коленях, зачем-то сгорбился, как старик, и разглядывал меня снизу вверх с болезненной и грустной полуулыбкой. Солнечные лучи падали на круглое настольное зеркало, оставленное мной на подоконнике, и отсвечивали на папино лицо. Раньше я и не замечала, что у него появилось столько морщинок вокруг глаз и тонкие серебристые нитки в волосах.

Смутившись, я схватила со стула приготовленное еще вечером платье и сбежала в ванную. Быстро умылась, почистила зубы и привела в порядок волосы. Переделалась. Отметила, что это нарядное платье надевала всего пару раз. Здесь, в глуши, вдалеке от города, из особых поводов оставались лишь дни рождения близких да Новый год. И вот теперь платье стало жать в груди. Возможно, этот раз, когда я его надела, станет последним. Жаль. Транжирить деньги на одежду не входило в привычки нашей семьи. То ли дело оружие...

Когда я вернулась, отец все так же сидел на кровати, и по взгляду я поняла, что он витает мыслями где-то далеко в прошлом. Сделав мне знак подойти к большому напольному зеркалу, папа с трудом поднялся. Держась за больную ногу и хромая, подошел ко мне. Что поделать — подагра. Запущенная, потому что мужчины в моей семье и слышать не хотели ни о каких врачах. Терпеть уколы и глотать таблетки казалось им унижительным. Настоящий охотник выздоравливает сам или уходит в могилу, если окажется слабым. Мой дядя, папин брат, вообще уже долгие годы оставался прикованным к постели, а все потому, что не лечил свою подагру в точности, как отец. Иногда по ночам в тишине дома раздавались его мучительные стоны и крики, вызванные очередным приступом. Я с опаской приглядывалась к братьям, ожидая и у них проявления наследственной болезни.

Отец выпрямил спину и встретился взглядом со мной в отражении зеркала. Я затаила дыхание.

— С днем рождения, моя малышка! — ласково произнес он и полез в карман джинсов.

С замиранием сердца я следила в зеркальном отражении за папиной рукой. Блеснула тонкая цепочка. Я плотно сжала

губы, чтобы раньше времени не запищать от восторга. Отец опустил мне на грудь продолговатый кусочек железа, укрепленный на цепочке. Бережно перекинул мои волосы на одно плечо, чтобы застегнуть на шею крохотный замок.

— Это та самая пуля? — спросила я, поглаживая подарок. Кусочек казался холодным, но быстро нагрелся от моего тела. — Отлитая из ожерелья мамы?

— Да, — торжественно кивнул отец. — Та самая. Та, что положила начало основанию нашего клана в этом заповеднике. Береги и храни ее.

Конечно, я поняла, что имелось в виду. Наш дом стоял посреди заповедника «Белый камень», а отец числился по документам главным инспектором по охране территории. Мои братья тоже были инспекторами по охране, и еще около десятка людей. Но речь шла о клане охотников, одном из самых уважаемых. Частью которого я наконец стала.

— Значит, ты посвятишь меня? — спросила я, уже не скрывая радости в голосе. Сердце оглушительно ухало в груди.

Отец поморщился.

— Будь моя воля — никогда бы этого не сделал. Хочу уберечь тебя от этой грязи. Но раз ты так хочешь...

— О, я хочу, папа! Я очень хочу!

— Когда я посвящал твоих братьев, ни секунды не сомневался. Но ты, моя малышка...

— Я готова, папа! Я почти все знаю и умею! — Я смущенно опустила глаза, вспомнив, что братья просили не признаваться, что тайком учили меня.

Отец вздохнул с обреченным видом.

— Знаешь ведь, что ни в чем не смогу тебе отказать.

Моя скромная улыбка стала шире.

— Повтори главный закон охотника! — заметив это, с напускной строгостью одернул отец.

— Для нас все равны. Мы поступаем справедливо, — тоном послушной девочки повторила я слова, которые знала лет с пяти.

— Тебе придется нажимать на спусковой крючок. И стрелять не в соломенную мишень, как ты наверняка уже делала прежде.

— Я готова.

Брови отца нахмурились.

— Придется видеть кровь.

— Я готова, — упрямо повторила я. — Мне приходилось резать куриц для супа.